

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

В. ШАПОШНИКОВ

Под звуки бодрого марша шагают стройные колонны загорелых мальчиков и девочек. На них — стального цвета блузы с белоснежными воротничками. Идёт Колония имени Горького! Стоящие на тротуарах харьковчане восторженно встречают горьковцев.

Во главе колонны перед расшитым золотом алым знаменем — невысокого роста худощавый человек в полувоенном костюме и очках. На первый взгляд он кажется суровым и строгим, но вот он снимает очки, протирает их платком, оборачивается назад, оглядывает всю колонну и тот, кто стоит поблизости от него, не может не заметить на лице его доброй, милой улыбки, тёплого лучистого взгляда. Человека, который идёт впереди знаменной бригады, знает весь Харьков. Это Макаренко, заведующий Колонией имени Горького.

Стройные шеренги горьковцев останавливаются на центральной площади. Раздаётся команда «Вольно!» — и сотни детей устремляются к человеку в очках. К нему тянутся десятки рук, а он, еле сдерживая счастливую улыбку, отечески тепло и ласково глядит на своих питомцев...

В двадцатых и тридцатых годах харьковчане часто видели горьковцев на улицах и площадях своего города.

Шли годы... Один за другим питомцы Макаренко выходили в люди: поступали на фабрики, в институты, шли работать на заводы...

Макаренко часто любил говорить: «Мои горьковцы выросли, разбежались по всему Советскому свету. Мне сейчас трудно их собрать даже в воображении... Да и «технически» не соберёшь всех. Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат!»

В Москве, на Украине, Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии по всему Советскому Союзу и поныне живут и работают бывшие колонисты и коммунары.

После смерти матери и отца восьмилетним мальчиком я с младшим братом Иваном попал в Куряж, в Колонию имени А.М. Горького, возглавляемую А.С. Макаренко. Помню хорошо, как Макаренко перешёл затем в Коммуну Дзержинского, и все колонисты затосковали.

Однажды я сказал братишке: «Знаешь что, Ваня, ты оставайся здесь, а я убегу к Макаренко. Если будет хорошо — беги и ты туда!..» Помню, как Антон Семёнович, окинув меня взглядом с ног до головы, сказал: «...давайте возьмём этого мальчика».

Так, с кличкой «Малец», в 1932 году я был принят в Коммуну имени Дзержинского. А позже приехал сюда и Иван. В большой дружной семье мы никогда не чувствовали себя сиротами.

Колония и коммуна воспитали Родине тысячи пламенных советских патриотов. Когда началась Великая Отечественная война, многие из колонистов и коммунаров пошли на фронт. Некоторые из бывших питомцев Макаренко отдали свою жизнь за Родину. Погиб на фронте и мой брат Иван.

<...> Очень интересна судьба многих моих сверстников, воспитывавшихся в своё время в коммуне. Бывший воспитанник Игорь Панов сейчас заместитель директора крупного завода на Дальнем Востоке. Зиновий Клямер окончил военную академию; Пётр Можевитин, Иван Иванов стали врачами; Александра Сыромятникова, Елена Кисточкина, Иван Ткачук — актёры...

Когда я думаю о судьбе друзей моего детства, кем были они и кем стали, — сердце моё преисполняется сыновней благодарностью к скромному и вдумчивому воспитателю — Антону Семёновичу Макаренко.

В колонию приходили одичавшие от голода, озлобленные долгими скитаниями, невежественные и грубые хлопцы и девчата. <...> Казалось, годы, долгие годы должны были пройти, раньше чем вся эта разношёрстная, своенравная, далёкая от всякого подобия организованности братия приобщится к учёбе, труду, правилам гигиены, элементарной вежливости...

Но проходил совсем небольшой срок, и каждая партия ребят, прибывшая в колонию, быстро ассимилировалась в здоровом, трудовом коллективе, впитывала в себя всё лучшее, благородное и честное, что культивировал Макаренко, — и ребят этих нельзя уже было узнать!

В памяти моей возникают отдельные эпизоды из жизни колонии и коммуны; я слышу слова Антона Семёновича, обращённые к своим воспитанникам, вижу каждый жест его...

Нас у Антона Семёновича были сотни, но каждый ощущал его внимание, заботу, участие.

В бурных интересных буднях трудного детского коллектива никто из нас не мог «загнаться». Мы все в одинаковой мере были у Макаренко на виду. И то ли отличился кто-нибудь из нас в труде, то ли провинился — Антон Семёнович всегда в курсе дела. И каждый раз на заседании совета командиров он ставит вопрос, который затем живо, с жаром обсуждает детвора. И я не знаю случая, когда Антон Семёнович поступил бы с кем-либо из нас несправедливо. Не слышал я этого и от других. Даже когда Макаренко требовал какого-нибудь наказания, провинившийся сознавал: «Это справедливо. Я ведь действительно виноват».

Макаренко мог наказать и наказывал, но делал это, не унижая человеческого достоинства, не причиняя ребёнку тяжёлых душевных переживаний.

Мне, юристу, это сейчас особенно ясно.

Многие коммунары и по сей день, вероятно, помнят нашумевший случай, который произошёл со мной в 1934 году под Первое мая. Антон Семёнович разрешил всем нам пойти погулять в город, но строго-настрого предупредил, «чтобы всё было в порядке». Особенно он предупредил взрослых ребят, опасаясь, чтобы по случаю праздника кто-нибудь из них не появился в городе в нетрезвом виде. Мне же тогда было всего 14 лет. И вот случилось так, что во всей коммуне я единственный оказался... пьяным в предпраздничный день!

В городском парке трое взрослых ребят угостили меня вином. Вскоре все мы расстались у входа из парка. И вот, как и следовало ожидать, даже небольшая доля алкоголя сильно подействовала на детский организм. В белом праздничном костюме я заснул тут же, на улице, у трамвайного столба. Подобрала меня коммунарская автомашинка, вёзшая уголь. Нужно ли говорить, во что превратился мой белый майский костюм! Дежурный по коммуне Трифонов пришёл в ужас от моего вида.

Узнав о случившемся, Макаренко глубоко возмутился. В порыве гнева он даже бросил фразу: «Мальца надо выгнать!..»

На совете командиров я упорно молчал, отказываясь назвать тех, кто напоил меня. Все прекрасно понимали, что я стал жертвой неумной шутки взрослых ребят. Первой взяла слово воспитанница Пашечкина. Она просила совет командиров и Антона Семёновича не выгонять меня из коммуны:

— У Васи нет родителей, — убеждала она.

Её просьбу поддержал секретарь комсомольской организации коммуны Василий Камардинов:

— Малец, я думаю, больше никогда не сделает такого проступка...

Коммунар Иван Волченко привёл в довершение всего ещё более «высокий» аргумент:

— Малец хорошо играет на трубе. Наш оркестр лишится хорошего музыканта...

Я видел, как, слушая ребят, Антон Семёнович прятал в усах свою ироническую улыбку. Очень уж, видно, я был смешон в тот момент.

Совет командиров решил в коммуне меня оставить, а меру наказания назначить по выбору Антона Семёновича.

«Как же меня Макаренко накажет?» — думал я два дня и две ночи.

И вот в столовой, когда все коммунары были в сборе, Макаренко объявил свой приказ по коммуне. Из него видно было, что Макаренко, прежде всего, считал меня жертвой чьей-то глупой проделки. Но дабы не повадно было мне или кому-либо другому повторить то же самое безобразие, Антон Семёнович предупредил: если в течение шести месяцев кто-либо окажется пьяным, он будет изгнан из коммуны вместе с Шапошниковым!

Приказ был серьёзным. Он касался решительно всех и заставлял каждого подумать о случившемся и впредь быть осмотрительным и осторожным. Действительно, стоило кому-нибудь проштрафиться, как под угрозой оказывался и я. Приказ, таким образом, налагал ответственность на весь коллектив.

Макаренко наказал меня и предупредил всех. Но сделал он это, не причинив мне травмы. Достаточно сказать, что впоследствии, когда коммуна избирала трёх посланцев приветствовать съезд комсомола Украины, он в числе других коммунаров поддержал и мою кандидатуру.

Вместе с Антоном Семёновичем мы поехали в Киев на комсомольский съезд, повезли в столицу наши подарки — фотоаппараты «ФЭД» и другую продукцию. В Киеве на съезде Антон Семёнович подарил мне том «Педагогической поэмы» с тёплой надписью. Позже, прощаясь с нами перед своим уходом из коммуны, Макаренко подарил мне серебряный корнет, которого я, увы, лишился во время войны...

Так Антон Семёнович мог одновременно быть и строгим, и добрым.

Теперь, когда мы стали взрослыми, а у многих из нас уже появилась седина на висках, ещё глубже понимаешь высокие гуманные устремления А.С. Макаренко. Он видел далеко, очень далеко. В то время, когда мы, чумазые, немытые, оборванные, голодные попадали к нему в колонию, он, спокойно глядя на нас, думал: «Вот эти станут хорошими рабочими, учёными, инженерами, агрономами». Мы тогда ничего не сознавали — ни нашего положения, ни нашей перспективы, ни нашего места в жизни. <...>

Каждого из нас А.С. Макаренко готовил к трудовой жизни исходя из индивидуальности качеств воспитанника, его наклонностей и способностей.

Перечитывая сейчас записи А.С. Макаренко в его тетрадях, удивляешься какой-то особой его способности видеть характер человека, его устремления и наклонности. В этом Макаренко, пожалуй, никогда не ошибался! Мне это особенно видно, поскольку речь идёт о людях, которых я знал с детства.

Читая строки, в которых Антон Семёнович характеризует хорошо знакомых мне воспитанников, я поражаюсь, как он ещё четверть века назад мог безошибочно распознать в душе ребёнка качества, легшие затем в основу характера взрослого человека.

Приведу примеры. В повести «ФД-1», написанной Макаренко весной 1932 года, есть слова, характеризующие воспитанника Н. Каплуновского — «будущий инженер, добросовестный и точный, преданный науке и книжке... культурный и честный человек, к сожалению, чрезвычайно застенчив...».

Мой друг Н. Каплуновский и поныне живёт в Харькове; в годы войны он был авиационным инженером. Он действительно горячо любит технику и книги и навсегда остался таким же застенчивым, каким двадцать пять лет назад видел его Макаренко.

Или вот второй мой друг — Михаил Долинный. В той же повести «ФД-1» Антон Семёнович говорит: «Миша Долинный — самый сильный, самый добрый и самый покладистый коммунары, тип славянского богатыря в мирное время». В личных записках А.С. Макаренко находим и такие строки о Долинском: «В коммуне будет хорошим мастером, добросовестный и исполнительный».

Это написано было тоже четверть века назад. И именно таким мы и знаем нашего земляка-харьковчанина Михаила Долинного и по сей день. «Сильный, добрый, покладистый», замечательный производственник, добросовестный и исполнительный. Антон Семёнович ни в чём не ошибался!

Изучение юридических наук в институте, работа народного судьи дали мне возможность по-новому взглянуть на воспитательные методы А.С. Макаренко. Я, например, лишь сейчас с особой глубиной осознал значение совета командиров как своего рода товарищеского суда. Ведь за любой проступок воспитанник держал ответ не лично перед Макаренко, а перед своими же товарищами, перед всем коллективом.

Совет командиров рассаживался обычно на узком жёстком диване вдоль стен кабинета Антона Семёновича и не только решал хозяйственные дела, но и обсуждал различные происшествия.

Трудно переоценить силу психологического воздействия совета командиров — настоящего беспристрастного и честного товарищеского суда. Совет командиров обсуждал обычно многие вопросы жизни колонии или коммуны, но в данном случае как юрист я говорю только о «правовых» его функциях. Думаю, что изучение этого вопроса и по сей день может представить известный интерес как для педагогов, так и для юристов.

В бумагах А.С. Макаренко сохранилось фото: Антон Семёнович сидит среди студентов-юристов, бывших горьковцев. Очевидно, то была одна из первых групп юристов из числа «макаренковцы». В последующие годы их было уже немало. Народный судья Наталья Чудная и я, по всей видимости, замыкаем этот отряд юристов — оба мы окончили юридический институт уже после войны.

Мне кажется, что есть нечто замечательное в том, что из юных «правонарушителей», как нас кое-кто называл, А.С. Макаренко сумел воспитать много людей, посвятивших в дальнейшем всю свою жизнь делу укрепления социалистической законности.

Всей своей работой народного судьи я хочу оправдать надежды, которые возлагал на меня и на других горьковцев Макаренко. И вот каждый раз, рассматривая то или иное судебное дело, я думаю: «А как решил бы его на моём месте Антон Семёнович? Как поступил бы он в данном случае?»

Строго карая вора или расхитителя, решая дело о хозяйственном или должностном преступлении, примиряя поссорившихся соседей или вынося приговор хулигану, я всегда думаю о чудесном педагогическом таланте Макаренко. И каждый раз, когда я занимаю председательское место за судейским столом, мне кажется, что сквозь толстые стёкла очков за мною зорко наблюдает одобряющий взгляд Антона Семёновича, который будто говорит мне: «Ну, Василий, как ты выйдешь из этого положения? Как ты решишь этот вопрос?»

Могу смело сказать, что огромную помощь в моей работе приносит знание творческой педагогической науки Макаренко.

Много нас, бывших горьковцев и коммунаров, и поныне живёт и работает в Харькове. Часто встречаемся мы в Доме учителя, у памятника Шевченко, в Померках, где была коммуна. Всё в этом городе напоминает нам о детстве, о годах, проведённых вместе с Макаренко... Вот Сумская, по которой под звуки марша «Дзержинец», написанного капельмейстером коммуны Виктором Тимофеевичем Левшаковым, гордые и счастливые маршировали мы на глазах у харьковчан. Вот площадь Тевелева — традиционное место встреч двух колонн — горьковцев и дзержинцев. Вот оперный театр, в стенах которого под звуки фанфар мы приветствовали съезды и конференции.

По этим улицам, по этим камням ходил с нами Антон Семёнович.

Может быть, именно поэтому и потянуло многих из нас после войны в Харьков, в наш любимый город, где многое, очень многое воскрешает в памяти незабываемые картины детства...

